

Обзорная статья

УДК 930

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2025-9-1-1>

<https://elibrary.ru/uzoecn>

Памятники местного летописания XVI в. и служилые люди Российского государства: обзор отечественной историографии вопроса

Илья Станиславович Агафонов

независимый исследователь,

Москва, Россия,

is.agafonov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9939-9119>

Ilya S. Agafonov

independent scientist,

Moscow, Russia,

is.agafonov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9939-9119>

Аннотация. Статья посвящена проблеме отражения в российской историографии известных сведений о памятниках местного летописания XVI века, написанных представителями служилого сообщества из числа дьячества и дворянства. В современной исторической науке не предпринималось попыток дать обзор накопленному комплексу сведений о произведениях, авторы которых были выходцами из светской среды, как отдельному явлению местной книжной культуры Российского государства. Введение памятников историописания, создававшихся лицами, которые работали без патронажа и прямого руководства светских и церковных властей, в более широкий контекст историографии эпохи Позднего Средневековья и Раннего Нового времени представляет интерес в связи с возможным изменением подхода к источникам как отражению взгляда автора на окружающую его действительность. В статье особое внимание уделено сложившимся представлениям отечественных историков о происхождении, составе и авторстве Постниковского, Безднинского летописцев, а также Летописца дворян Извольских как произведений местного летописания. По ходу работы отмечены достижения М.Н. Тихомирова и Н.В. Белова по изучению текстов и социальных связей авторов Постниковского летописца и Летописца дворян Извольских соответственно. Особое внимание уделено дискуссии, посвященной личности и политической ориентации думного дворянина М.А. Безднина, а также целевому назначению летописца, созданного им в середине 1580-х годов после ухода в монастырь. Обзор отечественной историографии дворянского и дьяческого летописания в России XVI века показывает, что на периферии исследовательских интересов остались вопросы, связанные с авторским самосознанием

© Агафонов И.С., 2025

© Agafonov I., 2025

создателей историописных произведений и принципами их работы в связи с отбором сведений для своих творений.

Ключевые слова: историография, источниковедение, местное летописание, служилые люди, дворянское летописание, XVI век

Для цитирования: Агафонов И.С. Памятники местного летописания XVI в. и служилые люди Российского государства: обзор отечественной историографии вопроса // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2025. Т. 9, № 1. С. 8–33, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2025-9-1-1>; EDN: UZOECN

Monuments of Local Chronicle Writing of the 16th Century and Service Class People in the Russian State: A Review of Russian Historiography

Abstract. The article is devoted to the problem of reflection in Russian historiography of the known information about the monuments of local chronicles of the 16th century written by the representatives of the service class from among the clerks and nobility. In modern historical science, no attempts have been made to provide an overview of the accumulated complex of information about the works the authors of which came from the secular environment as a separate phenomenon of the local book culture of the Russian state. The introduction of the monuments of historical writing that were created by the persons who worked without patronage and direct guidance of secular and church authorities into a broader context of historiography of the Late Middle Ages and Early Modern Times is of interest in connection with a possible change in the approach to sources as a reflection of the author's view of the reality surrounding him. The article pays special attention to the established ideas of Russian historians about the origin, composition, and authorship of the Postnik and Bezdniin chronicles and the Chronicle of the Izvol'sky Nobles as works of local chronicle writing. In the course of the work, the author points out the achievements of M. Tikhomirov and N. Belov in the study of the texts and social connections of the authors of the Postnik Chronicle and the Chronicle of the Izvol'sky Nobles, respectively. Particular attention is paid to the discussion dedicated to the personality and political orientation of the Duma nobleman M. Bezdniin as well as the intended purpose of the chronicle that he created in the mid-1580s after retiring to a monastery. The review of the domestic historiography of noble and clerical chronicle writing in sixteenth-century Russia shows that the questions related to the authorial self-awareness of the creators of historical works and the principles of their work in connection with the selection of information for their creations remain on the periphery of research interests.

Keywords: historiography, source study, local chronicle writing, service class people, nobility chronicle writing, 16th century

For citation: Agafonov, I.S. "Monuments of Local Chronicle Writing of the 16th Century and Service Class People in the Russian State: A Review of Russian Historiography." *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 9, no. 1 (2025): 8–33, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2025-9-1-1>; EDN: UZOECN

Введение

Исследование русского летописания XVI в. имеет глубокую историографическую традицию, которая определялась целями и задачами ученых, работавших в данной сфере с конца XIX в. При этом интерес российской исторической науки был связан преимущественно с крупными

литературными памятниками эпохи, такими, как Воскресенская и Никоновская летописи¹, Степенная книга² или Лицевой летописный свод³. Внимание ученых к таким произведениям обусловлено обширными сведениями о политическом, экономическом, социальном, военном и культурном положении страны в исследуемый период. Неменьший интерес историков вызывали и публицистические сочинения, отражавшие взгляды светской и интеллектуальной элиты того времени: послания Филофея и Ивана IV, сочинения Ивана Пересветова⁴. Такой подход к изучению XVI в. находится в тесной взаимосвязи с изучением эпохи, картин ее политической, социальной, военной и духовной жизни. Вместе с этим повышенный интерес ученых к крупным памятникам летописания определяет сложившийся в исторической науке перевес в пользу произведений, создававшихся в Москве или связанных с ней книжных центрах.

В отличие от крупных памятников летописания, произведения местного характера реже становились объектом внимания ученых. Данные источники вызывали интерес историков в связи со своим неофициальным статусом, из-за чего они рассматривались как основная альтернатива московским летописям. Так, значение псковских и новгородских памятников летописания определялось их различиями со столичными произведениями, сравнение с которыми позволяло ученым уточнить детали отдельных событий российской истории. Вместе с тем местные памятники летописания представляют значительный интерес благодаря многочисленным уникальным сведениям, позволяющим уточнить картину политической, социальной, религиозной и культурной жизни

¹ Лантев В.В. Воскресенская летопись // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена. 1955. Т. 102. С. 165–239; Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. Москва: Квадрига, 2018.

² Сиренов А.В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVII вв. Москва; Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2010; Усачев А.С. Степенная книга и древнерусская книжность времени Митрополита Макария. Москва; Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2009; The Book of Royal Degrees and the Genesis of Russian Historical Consciousness / edited by G. Lenhoff, A. Kleimola. Bloomington, IN: Slavica, 2011.

³ Морозов В.В. Лицевой свод в контексте отечественного летописания XVI века. Москва: Индрик, 2005; Die Illustrierte Chronikhandschrift des Zaren Ivan IV. Groznyj. Ein Schlüsselwerk der Moskauer Historiographie und Buchkunst zwischen Spätmittelalter und Früher Neuzeit / Herausgegeben von R. Frotschner. Berlin: Frank & Timme, 2021.

⁴ Дмитриева Р.П. Сказание о князьях Владимирских. Москва; Ленинград: Издательство АН СССР, 1955; Гольдберг А.Л. Три «послания Филофея» (Опыт текстологического анализа) // Труды отдела древнерусской литературы. 1974. Т. 29. Вопросы истории русской средневековой литературы: памяти В.П. Адриановой-Перетц. / под редакцией Д.С. Лихачева. Ленинград: Наука, 1974. С. 68–97; Синуцына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). Москва: Индрик, 1998.

России, а также расширить представления о человеке эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени: его мировоззрении, ценностях и интересах. Многие отечественные ученые, в том числе А.А. Шахматов, А.Н. Насонов, М.Н. Тихомиров, Я.С. Лурье, концентрировали свое внимание на введении местных памятников летописания в научный оборот, их публикации, атрибуции и текстологическом анализе⁵. Однако в отношении ряда памятников интерес ученых был связан сугубо с созданием археографических и источниковедческих работ, без обращения к местным произведениям как памятникам историографии.

Наряду с книжниками, работавшими в монастырях, в XVI в. наметилась тенденция к появлению летописных произведений, создававшихся выходцами из служилой прослойки общества. Такие памятники выделялись из общего ряда в связи с обращением авторов этих произведений к определенным сюжетам, связанным с их «профессиональной» деятельностью. Кроме того, в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени в России, несмотря на присутствие в древнерусской культуре ряда «предренессансных» явлений, не представляется возможным говорить о проникновении в общество представлений о светском летописании или авторском творчестве. В этой связи написание летописных сочинений долгое время рассматривалось как исключительная привилегия представителей политической и церковной элиты.

Такие произведения, как Постниковский, Безднинский летописцы, а также летописец дворян Извольских, привлекли внимание историков в связи с доминированием в русском летописании книжников, принадлежавших к кругу белого и черного духовенства. В отечественной историографии был отмечен интерес служилых людей к ведению летописных записей. Однако попыток составить общую характеристику местных памятников на основе обобщения накопленного в историографии массива материалов не предпринималось. Ниже, на материале произведений XVI в., авторами которых были выходцы из служилой прослойки общества, будет предпринята попытка структурировать накопленный в отечественной науке материал, тем самым подготовив почву для последующего их изучения как памятников историографии.

Постниковский летописец и его автор

Постниковский летописец является показательным примером летописания середины XVI в., созданного в среде служилых людей. Этот памятник, опубликованный М.Н. Тихомировым, стал источником неофициальных сведений об эпохе регентства Елены Глинской и «боярского правления»

⁵ *Вовина-Лебедева В.Г.* Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2011.

1533–1547 гг.⁶ Внимание ученых к памятнику из собрания М.А. Оболенского в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА, собр. Оболенского № 42) было обусловлено проработкой к тому времени большинства известных источников, освещающих период малолетства Ивана IV: Воскресенской и Вологодско-Пермской летописей, а также псковских и новгородских сочинений. На их фоне Постниковский летописец, явно не отражавший про- или антимосковскую позицию, стал источником уникальных сведений о деятельности бояр и митрополита, передвижениях молодого Ивана IV, политической борьбе в столице и городском быте.

Летописец отличается подробным описанием сюжетов, связанных со сменой «временщиков» при молодом великом князе и изменениях, происходивших в политической элите страны. М.Н. Тихомиров ставил Постниковский летописец в один ряд с Воскресенской и Львовской летописями, а также с Летописцем начала царства, в которых период 1533–1547 гг. был представлен с ярко выраженной политической тенденциозностью, связанной с про- или же антибоярской позицией автора⁷.

Автором данного произведения М.Н. Тихомиров называл приказного дьяка Федора Никитича, сына Маклакова, известного под прозвищем Постника Губина, чье имя неоднократно появляется в летописном тексте, где упоминается его участие в дипломатических мероприятиях Российского государства. В отечественной историографии отмечается разное написание фамилий Постника Губина и его отца – дьяка Новгородской четверти Николая Семеновича. Отец и сын писались как «Маклаковы», «Маклоковы» и «Моклаковы»⁸. Однако в наши дни предпочтение отдается варианту написания фамилии как «Моклоков», в том числе, в связи с именованьем Постника Губина «сыном Моклоковым» в тексте летописца⁹. Выводы М.Н. Тихомирова об авторстве памятника были поддержаны С.О. Шмидтом, отмечавшим, что среди приписок Летописца начала царства есть несколько записей о Постнике Губине, который в 1550-х гг. принимал участие в почетных царских приемах¹⁰.

⁶ Тихомиров М.Н. Записки о регентстве Елены Глинской и боярском правлении 1533–1547 гг. // Исторические записки. 1954. Т. 46. С. 278–288; Тихомиров М.Н. Русское летописание. Москва: Наука, 1979. С. 167–183.

⁷ Тихомиров М.Н. Русское летописание. С. 168.

⁸ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 2 / составитель Н.Г. Савич. Москва: Институт истории СССР, 1977. С. 338. Тихомиров М.Н. Русское летописание. С. 170–171; Буганов В.И. Отечественная историография русского летописания (обзор советской литературы). Москва: Наука, 1975. С. 178–179.

⁹ Тихомиров М.Н. Русское летописание. С. 178.

¹⁰ Шмидт С.О. Становление российского самодержавства. Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. Москва: Мысль, 1973. С. 27.

Исследуя авторский стиль Постника Губина, М.Н. Тихомиров обратил внимание на его более «теплое» отношение к представителям семейства Шуйских, пусть в тексте летописца явных симпатий и не было обнаружено¹¹. Предположения ученого строились на повышенном внимании летописца к семейной жизни Шуйских, а также к опалам и казням членов этой семьи. Так, в памятнике упомянуты:

- свадьба Василия Васильевича Шуйского и дочери казанского царевича Худай-Кула (Петра Ибрагимовича) Анастасии Петровны;
- смерть князя В.В. Шуйского в 1538 г.;
- похороны Ивана Шуйского «в чернцах и в скиме» в мае 1542 г.;
- слухи об участии князей Ивана и Андрея Шуйских в убийстве И.Ф. Бельского;
- казнь Андрея Михайловича Шуйского 28 декабря 1543 г. «ото псарей»¹².

Неясно, представляется ли возможным говорить об особом интересе Постника Губина к Шуйским, поскольку в описании событий 1533–1547 гг. регулярно появляются фамилии и других участников придворной борьбы – Бельских, Оболенских, Глинских, Мстиславских, Воронцовых.

Среди возможных источников, которыми пользовался Постник Губин, М.Н. Тихомиров называл Софийскую Первую и Вторую летописи, отмечая сходство их сведений с материалами памятника за 1503–1533 гг.¹³ Позднее В.В. Морозов предположил, что редактор Лицевого летописного свода либо пользовался Постниковским летописцем, либо напрямую использовал его текст при составлении летописи¹⁴. С.А. Морозов, выразивший несогласие с позицией М.Н. Тихомирова об источниках памятника, не предложил альтернативной точки зрения на авторство Постниковского летописца, однако выдвинул предположение, что данный памятник является компилятивно-составным произведением, в основании которого лежит неизвестный науке Летописец 1547 г.¹⁵ Данное мнение не вносит ясности в вопрос о том, является ли упомянутая М.Н. Тихомировым «теплота» по отношению к боярскому роду Шуйских, а также ряд других профильных сведений о положении страны в период малолетства Ивана IV, авторским почерком самого Губина, или они отражают представления книжника, составлявшего Летописец 1547 г.

¹¹ Тихомиров М.Н. Русское летописание. С 172.

¹² Тихомиров М.Н. Русское летописание. С 176–177.

¹³ Тихомиров М.Н. Русское летописание. С. 168–169.

¹⁴ Морозов В.В. Царственная книга и Постниковский летописец // Теория и практика источниковедения и археографии отечественной истории / под редакцией В.Т. Пашуто, А.И. Алексеева, М.В. Бибикина и др. Москва: Институт истории АН СССР, 1978. С. 78–80.

¹⁵ Морозов С.А. К изучению источников Постниковского и Пискаревского летописца // Летописи и Хроники. 1984 / под редакцией В.И. Буганова. Москва: Наука, 1984. С. 72–74.

Исследователи Н.П. Лихачев и С.Б. Веселовский отмечали 1542–1558 гг. как активный период в деятельности дьяка, а также тот факт, что в 1558 г. тот был еще жив¹⁶. Деятельность Постника Губина охватывала многие вопросы, связанные с решением судебных споров, выдачей жалованных и дарственных грамот и участием в посольствах Российского государства в 1542 и 1546 гг. Так, в 1542 г. Постник Губин отправился в составе московского посольства в Литву вместе с боярами В.Г. Морозовым и Ф.С. Воронцовым¹⁷. В 1546 г. он отмечен в числе лиц, посланных в Казань на помощь татарскому хану Шаху-Али. В составе этого посольства также упоминаются князь Д.Ф. Бельский и Д.Ф. Палецкий¹⁸. Отдельно можно выделить его присутствие на свадьбе Ивана IV 3 февраля 1547 г. «у постели», на свадьбе князя Юрия Васильевича 18 сентября 1547 г. «у постели» вместе с Я.Г. Захаровым¹⁹, а также на бракосочетании царя Симеона Касаевича 2 ноября 1553 г.²⁰ Помимо этого, Постник Губин отмечен в числе лиц, кому в 1548 г. новгородский архиепископ Феодосий послал «угорские» золотые в подарок. После 1553 г. активное участие дьяка в придворных церемониях и приеме зарубежных послов существенно сократилось. Из шестнадцати известных о нем записей Разрядных книг (по другим данным – четырнадцати), упоминание его имени позднее указанной даты встречается лишь дважды: на приемах литовских послов князя Стефана Збаражского в конце января – начале февраля 1556 г. и Я.Ю. Волчкова в июне 1558 г.²¹

Дворянское историописание XVI в.

Совсем иную форму местного летописания XVI в. – дворянскую – представляет Безднинский летописец. Основной текст памятника, выявленный М.Н. Тихомировым в составе Барсовского собрания в Государственном историческом музее (ГИМ, Барс. № 1811), был оценен ученым как часть другого, более крупного памятника эпохи, однако привлек внимание

¹⁶ *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. Москва: Наука, 1975. С. 346; *Лихачев Н.П.* Разрядные дьяки XVI века. Опыт исторического исследования. Санкт-Петербург: Типография В.С. Балашева, 1888. С. 141–143.

¹⁷ Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года / под редакцией С.О. Шмидта. Москва: Издательство Восточной литературы, 1960. С. 30; *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. С. 177.

¹⁸ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 2. С. 321.

¹⁹ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 2. С. 324, 338.

²⁰ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 3 / составитель Н.Г. Савич. Москва: Институт истории СССР, 1978. С. 457.

²¹ Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 59: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством, Ч. 2 (годы с 1533 по 1560) / под редакцией Г.Ф. Карпова. Санкт-Петербург: Типография Ф. Елконского и К^о, 1887. С. 491, 495, 506, 554, 556, 560.

исследователя в первую очередь уникальными известиями, освещавшими первые годы правления Федора Иоанновича.

Летописец охватывает период с 955 г. до 16 июля 1586 г. и вызывает интерес исследователей преимущественно описанием событий трех последних лет. Сведения памятника за 1584–1586 гг. фокусируются на политической обстановке в Москве после смерти Ивана IV и на русско-татарских столкновениях на южных рубежах страны, в которых немалую роль, судя по тексту летописца, сыграл думный дворянин Михаил Александрович Безднин²². В свое время он занимал не последнее место в военной и придворной иерархии Российского государства и был знаком с рядом представителей светской и церковной элиты²³.

Исследователь В.И. Корецкий обозначил четыре известных списка памятника: Барсовский, Погодинский, Долговский и Музейский²⁴. Два из них – Барсовский и Долговский – были возведены ученым к неизвестному протографу, а происхождение основного списка – Долговского – исследователь связал с Иосифо-Волоколамским монастырем²⁵. Именно его послушником 2 августа 1586 г., согласно монастырским записям, и стал М.А. Безднин. Выводы В.И. Корецкого о происхождении и авторстве летописца позже поставил под сомнение британский историк Д. Уо, отметив, что имя Безднина появляется в Разрядных книгах вплоть до 1589 г. и вопрос о времени составления памятника требует дальнейшей разработки²⁶.

Среди источников памятника В.И. Корецкий выявил Воскресенскую и Никоновскую летописи, Степенную книгу, а также западнорусскую «Похвалу Витовту». При этом деятельность автора по редактуре оригинального текста при составлении общерусского летописца с 955 г. признается весьма

²² Тихомиров М.Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. Москва: Издательство АН СССР, 1962. С. 10.

²³ Кобрин В.Б. Опричнина. Генеалогия. Антропонимика: Избранные труды. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2008. С. 54–55, 152–155; Володихин Д.М. Опричнина и «псы государевы». Москва: Вече, 2010. С. 223–242; Володихин Д.М. Социальный состав русского воеводского корпуса при Иване IV. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2011. С. 210–212.

²⁴ Корецкий В.И. Безднинский летописец конца XVI в. Из собрания С.О. Долгова // Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина. Записки отдела рукописей / под редакцией Н.Н. Соловьевой. Москва: Книга, 1977. Вып. 38. С. 192–203; Корецкий В.И. История русского летописания второй половины XVI – начала XVII в. Москва: Наука, 1986. С. 73–106.

²⁵ Корецкий В.И. История русского летописания второй половины XVI – начала XVII в. С. 73–76.

²⁶ Waugh D.C. Two Unpublished Muscovite Chronicles // Oxford Slavonic Papers. New Series. 1979. Vol. 12. P. 1–31.

значительной, поскольку позволила перенести акценты русской истории на борьбу с татарами и отношения с Польшей и Литвой.

Опубликованный В.И. Корецким текст Долговского списка летописца обратил внимание ученых на вопросы, связанные с причинами появления памятника, личностью М.А. Безднина, его политической деятельностью, а также обстоятельствами отражения татарских набегов. Так, ведущая роль М.А. Безднина в умиротворении Московского мятежа в мае 1584 г. была уточнена на материале более поздних памятников – Пискаревского летописца и Латухинской степенной книги, указавших на намеренное преувеличение автором степени своего участия в придворной борьбе 1583–1586 гг.²⁷

Другой вопрос, поднятый В.И. Корецким, связан с участием М.А. Безднина в битве на р. Выссе (07.05.1584 г.), в которой тот, судя по тексту летописца, сыграл решающую роль. Обстоятельства военных столкновений царских и татарских отрядов на южных рубежах Российского государства получили разработку в работах В.В. Пенского и Н.А. Подчасова, уточнивших ход и обстоятельства сражения, а также участие в нем дворянских полков М.А. Безднина и князей Ф.М. и Т.Р. Трубецких²⁸. Безднинский летописец рассматривается военными историками как ценный источник сведений по истории битвы на р. Выссе, дополняющий известия Разрядных книг²⁹. Однако, несмотря на то, что участие М.А. Безднина в самой битве на Выссе учеными не подвергается сомнению, роль этого дворянина в победе над татарами в составе передового полка русских войск, подчеркнутая в тексте летописца, не смогла обеспечить тому общероссийской славы, на что указывает В.И. Корецкий со ссылкой на Соловецкий летописец конца XVI в., Разрядные книги второй половины XVI в. и Новый летописец, в котором также упомянут Михаил «Безин»³⁰.

В.И. Корецкий подробно разработал также вопросы о причинах создания летописца и политической ориентации его автора, определив круг социальных связей бывшего думного дворянина и выявив его связь с боярским семейством Шуйских, участие которых в придворной борьбе 1584–1586 гг. нашло отражение в памятниках эпохи. Именно принадлежность М.А. Безднина к кругу

²⁷ Корецкий В.И. История русского летописания второй половины XVI – начала XVII в. С. 81–99.

²⁸ Пенской В.В. «Центурионы» Ивана Грозного. Воеводы и головы московского войска второй половины XVI в. Москва: Центрполиграф, 2017. С. 145–148; Подчасов Н.А. Роль князей Трубецких и М.А. Безднина в битве на реке Выссе 1584 г.: источниковедческий аспект // Вестник МГУ. Серия 8: История. 2018. № 2. С. 3–11.

²⁹ Подчасов Н.А. Роль князей Трубецких и М.А. Безднина в битве на реке Выссе 1584 г. С. 11

³⁰ Корецкий В.И. Безднинский летописец конца XVI в. С. 195.

доверенных лиц И.П. Шуйского, проигравшего придворную борьбу Б.Ф. Годунову, стала причиной ухода думного дворянина, спасавшегося от грядущей опалы, в монастырь³¹. Позднее Я.Г. Солодкин предположил, что летописец мог быть создан монастырским старцем Мисалом для повышения собственного авторитета внутри обители, так как политического эффекта от летописца добиться было проблематично³².

Летописец дворян Извольских

Безднинский летописец долгое время являлся единственным памятником, происхождение которого было связано с деятельностью выходца из дворянства, из-за чего возникновение всего дворянского летописания в России ученые относили к пост-опричному периоду (1580-м гг.) и началу правления Федора Иоанновича. Такое положение сохранялось вплоть до введения в научный оборот летописца, принадлежащего целому семейству служилых дворян тульского и дедиловского происхождения. Памятник, получивший название летописца дворян Извольских, был впервые описан М.Н. Тихомировым³³. Однако публикацией и подробным изучением состава и содержания памятника занялся Н.В. Белов³⁴. Единственный список летописца, выявленный в сборнике из собрания В.М. Ундольского в Российской государственной библиотеке (РГБ, Собрание В.М. Ундольского, № 1226), повествует об истории южнорусских рубежей, в частности, о событиях в г. Туле и регионе: отражении татарских набегов, стихийных бедствиях и бытовых деталях жизни служилых дворян Скоблевых и Извольских, владевших поместьями в Тульском, Дедиловском и Каширском уездах, а также дворами в этих городах³⁵.

Первый пласт записей за 1518–1545 гг., по мнению Н.В. Белова, был написан представителем рода Скоблевых (Коблевых), откуда памятник перешел в семью Извольских, которые продолжили ведение летописца. Так, в записи, датированной 1518 г., говорится о женитьбе Леонтия Васильева Путева «у Ивана Скоблева», под 1545 г. – о женитьбе Леонтия Федорова Скоблева «у Щибора». Представители дворянского рода Скоблевых известны как

³¹ *Корецкий В.И.* История русского летописания второй половины XVI – начала XVII в. С. 98, 101, 106.

³² *Солодкин Я.Г.* История позднего русского летописания. Москва: Московская ассоциация лингвистов-практиков, 1997. С. 38.

³³ *Тихомиров М.Н.* Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. С. 72–73.

³⁴ *Белов Н.В.* Летописные заметки русских служилых людей второй половины XVI в. // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2020. № 1 (12). С. 174–186.

³⁵ *Белов Н.В.* Летописные заметки русских служилых людей второй половины XVI в. С. 181–182.

землевладельцы Тульского уезда, а один из них, Афанасий Скоблев, в конце правления Ивана IV служил осадным головой на Солове и Плаве³⁶.

Одно из вероятных объяснений перехода летописца от Скоблевых к Извольским было обнаружено Н.В. Беловым в писцовой книге г. Тулы 1587–1589 гг., упоминающей о совместном дворовладении членов обоих родов: «двор... Ермолы Кобелева да Внука Игнатьева да вдовы Огафьи Семеновы жены Извольского да сына ее Никиты». Таким образом, одной из возможных причин перемещения сборника в книжное собрание дворян Извольских могло быть их родство с Скоблевыми.

Записи 1568–1571 гг. Н.В. Белов относит к авторству Елисея Яковлевича Извольского, известного по прозвищу Булгак³⁷. Он был воеводой в г. Дедилове Тульской волости в 1570 и 1576 гг. Известно также, что он имел подтверждение на владение вотчинами, жалованными за выезд его прадеда, Василия Дмитриевича Извольского из Польши в Москву. Более поздние заметки – за 1591, 1592 и 1597 гг. – Н.В. Белов атрибутирует по отношению к сыну Елисея Яковлевича, Ивану Булгакову Извольскому или кому-то из его окружения³⁸. Принадлежность самого сборника к семейству Извольских определяется ученым исходя из владельческой записи, идущей по краю рукописи. При этом сам род дворян Извольских во второй половине XVI в. был прочно связан с южным пограничьем Московского государства.

Причиной создания летописца Н.В. Беловым называется выстраивание военной истории региона тульско-дедиловской «украины», а также сугубо личный интерес служилых дворян Извольских в создании семейного памятника летописания³⁹. Также ученый указал на возможность обращения к памятнику при создании более обширной картины местного летописания XVI в., акцентировав внимание на появлении тенденций к формированию светского летописания до опричнины и смерти Ивана IV.

Заключение

Исследование местных памятников летописания XVI в. в отечественной историографии тесно связано с введением в оборот, атрибуцией, уточнением времени создания оригинальных сочинений и выявлением их источников.

³⁶ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 3. Ч. 1 / составитель Л.Ф. Кузьмина. Москва: Институт истории СССР, 1984. С. 148.

³⁷ Белов Н.В. Летописные заметки русских служилых людей второй половины XVI в. С. 181.

³⁸ Белов Н.В. Летописные заметки русских служилых людей второй половины XVI в. С. 182.

³⁹ Белов Н.В. Летописные заметки русских служилых людей второй половины XVI в. С. 183.

Исследователями накоплен значительный объем сведений археографического и источниковедческого характера, который создает условия для их дальнейшего изучения.

В отношении Безднинского, Постниковского летописцев, а также летописца Извольских проведены подробные исследования, позволившие уточнить происхождение памятников, личности, общественный статус и круг социальных связей их авторов. Наиболее активные дискуссии продолжаются вокруг уточнения значения отдельных статей и степени вовлеченности книжников в описываемые события. Отдельно можно выделить проблему, связанную с идентификацией социальных связей авторов летописцев, а также уточнением круга их интересов и контактов.

Вместе с этим на периферии исследовательских интересов ученых продолжают находиться вопросы, связанные с книжной работой выходцев из служилой прослойки общества. При изучении летописных произведений эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени мало внимания уделяется вопросам авторского самосознания, проявления создателями летописцев индивидуальности и тематических приоритетов, игравших роль при составлении книжных памятников.

Однако стоит отметить, что изыскания отечественной историографии подготовили фундамент для исследования местных памятников летописания XVI в. (в том числе тех, что были созданы при активном участии представителей служилого дьячества и дворянства) в качестве элементов общей картины книжной культуры и местного летописания эпохи. Дальнейшая разработка вопроса требует включения летописцев за авторством М.А. Безднина, Н.Ф. Моклокова, а также представителей дворянских семейств Скоблевых и Извольских в общий контекст развития местной летописной традиции России.

Introduction

The study of Russian chronicle writing of the 16th century has a deep historiographical tradition, which was determined by the goals and objectives of the scholars who have worked in this field since the end of the 19th century. At the same time, the interest of Russian historical science was mainly associated with large literary monuments of the era, such as the Resurrection Monastery Chronicle and the Nikon Chronicle,¹ the Book of Royal Degrees,² or the Illuminated Compiled Chronicle.³ The attention of researchers to such works is accounted for by the extensive information about the political, economic, social, military, and cultural situation in the country during the period under study. Historians were equally interested in opinion writings that reflected the views of secular and intellectual elite of that time: the epistles of Philotheus, the writings of Ivan Peresvetov, the epistles of Ivan IV.⁴ This approach to the study of the 16th century is closely related to the study of the epoch, the pictures of its political, social, military, and spiritual life. At the same time, the increased interest of scholars in major monuments of chronicle writing determines the preponderance in historical science of the works created in Moscow or related book centers.

Unlike major monuments of chronicle writing, local works less often became the object of the scholars' attention. These sources aroused the interest of historians due to their unofficial status, which is why they were considered as the main alternative to

¹ V.V. Laptev, "Resurrection Monastery Chronicle" [in Russian], *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. A.I. Gertsena*, vol. 102 (1955): 165–239; B.M. Kloss, *Nikon Chronicle and the Russian Chronicles of the 16th and 17th centuries* [in Russian] (Moscow: Kvadriga, 2018).

² A.V. Sirenov, *The Book of Royal Degrees and the Russian Historical Thought of the 16th–17th Centuries* [in Russian] (Moscow; St Petersburg: Al'yans-Arkheo, 2010); A.S. Usachev, *The Book of Royal Degrees and Old Russian Booklore of the Time of Metropolitan Macarius* [in Russian] (Moscow; St Petersburg: Al'yans-Arkheo, 2009); G. Lenhoff, and A. Kleimola, eds., *The Book of Royal Degrees and the Genesis of Russian Historical Consciousness* (Bloomington, IN: Slavica, 2011).

³ V.V. Morozov, *The Illuminated Compiled Chronicle in the Context of Russian Chronicle Writing of the 16th Century* [in Russian] (Moscow: Indrik, 2005); R. Frotschner, hrsg., *Die Illustrierte Chronikhandschrift des Zaren Ivan IV. Groznyj. Ein Schlüsselwerk der Moskauer Historiographie und Buchkunst zwischen Spätmittelalter und Früher Neuzeit* (Berlin: Frank & Timme, 2021).

⁴ R.P. Dmitrieva, *The Tale of the Princes of Vladimir* [in Russian] (Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1955); A.L. Gol'dberg, "Three 'Epistles of Philotheus' (An Attempt of Textological Analysis)" [in Russian], in *Trudy otdela russkoi literatury. 1974*, vol. 29, *Questions of the History of Russian Medieval Literature: In Memory of V.P. Adrianova-Peretz*, ed. D.S. Likhachev (Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1974), 68–97; N.V. Sinitsyna, *The Third Rome. Origins and Evolution of the Russian Medieval Concept (15th–16th Centuries)* [in Russian] (Moscow: Indrik, 1998).

the Moscow chronicles. For instance, the significance of the Pskov and Novgorod chronicles was determined by the discrepancies between them and the capital's works, a comparison with which allowed scholars to clarify the details of individual events in Russian history. At the same time, local chronicle monuments are of considerable interest due to the numerous unique pieces of information that make it possible to clarify the picture of the political, social, religious, and cultural life of Russia and to expand our understanding of the man of the late Middle Ages and Early Modern Times: his worldview, values, and interests. Many of Russian scholars, including A. Shakhmatov, A. Nasonov, M. Tikhomirov, and Ya. Lur'e, concentrated their attention on the introduction of local chronicle monuments into scientific circulation, their publication, attribution, and textological analysis.⁵ However, in relation to a number of monuments, the interest of scholars was connected exclusively with the creation of archeographic and source studies works, without reference to local works as monuments of historiography.

Along with the scribes who worked in monasteries, in the 16th century there was a trend towards the appearance of chronicle works, created by service class people. Such monuments stood out from the rest in connection with the appeal of their authors to certain subjects related to their "professional" activities. In addition, despite the presence of a number of "pre-Renaissance" phenomena in Old Russian culture, it is hardly possible to talk about the penetration of the ideas of secular chronicle writing or authorial creativity into the society in Russia in the Late Middle Ages and Early Modern Times. In this regard, writing chronicles was regarded as an exclusive privilege of the representatives of political and church elite for a long time.

Such works as the Postnik and Bezdin chronicles, as well as the Chronicle of the Izvol'skii nobles, attracted the attention of historians due to the dominance of scribes belonging to the white and black clergy in Russian chronicle writing. Russian historiography noted the interest of service class people in keeping chronicle records. However, no attempts have been made to compile a general description of local monuments based on a generalization of the materials accumulated in historiography. Based on the material of the sixteenth-century works, the authors of which originated from the service class, an attempt will be made below to structure the material accumulated in Russian science, thereby preparing the ground for their subsequent study as monuments of historiography.

The Postnik Chronicle and its author

The Postnik Chronicle is an illustrative example of mid-16th century chronicles written by service class people. This work, published by M. Tikhomirov, became a source of unofficial information about the era of the regency of Elena Glinskaya and

⁵ V.G. Vovina-Lebedeva, *Schools of Russian Chronicle Research: 19th–20th Centuries* [in Russian] (St Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2011).

the boyar rule of 1533–47.⁶ The attention of scholars to the work from the collection of M. Obolensky in Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA, Obolensky's collection, no. 42) was due to the fact that most of the known sources covering the period of Ivan IV's early childhood had been studied by that time (the Resurrection Monastery Chronicle and the Vologda-Perm Chronicle as well as the Pskov and Novgorod writings). Against their background, the Postnik Chronicle, which did not clearly reflect a pro- or anti-Moscow position, became a source of unique information about the activities of the boyars and the Metropolitan, the movements of the young Ivan IV, the political struggle in the capital, and urban everyday life.

The chronicle is notable for detailed narrations related to the change of "minions" under the young Grand Prince and the changes in the country's political elite. M. Tikhomirov put the Postnik Chronicle on a par with the Resurrection Monastery and Lvov chronicles as well as the Chronicle of the Beginning of the Reign, in which the period between 1533 and 1547 was presented with pronounced political bias associated with the pro- or anti-boyar position of the author.⁷

Mikhail Tikhomirov identified clerk Fyodor Nikitich, son of Maklakov as the author of these works. He was known by the name of Postnik Gubin, which repeatedly appears in the chronicle text with reference to his participation in the diplomatic events of the Russian state. In Russian historiography, there are different spellings of the last name of Postnik Gubin and his father Nikolai Semenovich, deacon of the Novgorod quarter. Their last name was spelled "Maklakov", "Maklokov" and "Moklakov".⁸ However, nowadays preference is given to the spelling of the last name "Moklokov", among other things, in connection with the reference to Postnik Gubin as "son of Moklokov" in the text of the chronicle.⁹ M. Tikhomirov's conclusions about the authorship of the chronicle were supported by S. Shmidt, who noted that among the additions to the Chronicle of the Beginning of the Reign there are several mentions of Postnik Gubin, who took part in honorary tsar's receptions in the 1550s.¹⁰

⁶ M.N. Tikhomirov, "Notes on the Regency of Elena Glinskaya and Boyar Rule, 1533–1547" [in Russian], *Istoricheskie zapiski*, vol. 46 (1954): 278–88; M.N. Tikhomirov, *Russian Chronicle Writing* [in Russian] (Moscow: Nauka, 1979).

⁷ Tikhomirov, *Russian Chronicle Writing*, 168.

⁸ N.G. Savich, comp., *The Book of Ranks, 1475–1605* [in Russian], vol. 1, pt. 2 (Moscow: Institut istorii SSSR, 1977), 338; Tikhomirov, *Russian Chronicle Writing*, 170–71; V.I. Buganov, *Domestic Historiography of Russian Chronicle Writing (A Review of Soviet Literature)* [in Russian] (Moscow: Nauka, 1975), 178–79.

⁹ Tikhomirov, *Russian Chronicle Writing*, 178.

¹⁰ S.O. Shmidt, *The Making of Russian Autocracy. Research of Socio-Political History of the Time of Ivan the Terrible* [in Russian] (Moscow: Mysl', 1973), 27.

Examining the author's style of Postnik Gubin, M. Tikhomirov drew attention to a "warmer" attitude towards the representatives of the Shuiskii family, even if no obvious sympathies were found in the text of the chronicle.¹¹ The scholar's assumptions were based on the chronicler's increased attention to the Shuisky family life, as well as to the disgrace and executions of the members of this family. The text mentions:

- the wedding of Vasily Vasil'evich Shuisky and Anastasia Petrovna, daughter of Kazan Tsarevich Khudai-Kul (Pyotr Ibragimovich);
- the death of Prince V. Shuisky in 1538;
- funeral of Ivan Shuisky "v cherntsekh i v skime" [as a monk and ascetic] in May 1542;
- the rumors about the participation of princes Ivan and Andrei Shuisky in the murder of I. Bel'sky;
- execution of Andrei Mikhailovich Shuisky on December 28, 1543 "by the hound-masters."¹²

It is unclear whether it is possible to speak about the special interest of Postnik Gubin in the Shuisky family, since the names of other participants in the court struggle (the Bel'skys, Obolenskys, Glinskys, Mstislavskys, Vorontsovs) regularly appear in the description of the events of 1533–47.

Among the possible sources used by Postnik Gubin, M. Tikhomirov named the Sofia First and Second Chronicles, noting the similarity of its information for 1503–33 with the materials of the monument.¹³ Later, V. Morozov assumed that the editor of the Illuminated Compiled Chronicle either used the Postnik Chronicle or directly copied his text.¹⁴ S. Morozov, who disagreed with M. Tikhomirov's opinion on the sources of the monument, did not offer an alternative point of view on the authorship of the Postnik Chronicle but put forward the assumption that it is a compiled composite work based on the chronicle of 1547 unknown to science.¹⁵ This opinion does not clarify the question whether the above-mentioned "warmth" towards the boyar family of Shuiskys and a number of other profile pieces of information on the situation in the country during the early childhood of Ivan IV are in the author's own signature style, or they reflect the ideas of the scribe who compiled the Chronicle of 1547.

¹¹ Tikhomirov, *Russian Chronicle Writing*, 172.

¹² Tikhomirov, *Russian Chronicle Writing*, 176–77.

¹³ Tikhomirov, *Russian Chronicle Writing*, 168–69.

¹⁴ V.V. Morozov, "Regal Book and the Postnik Chronicle" [in Russian], in *Theory and Practice of Source Study and Archeography of Russian History*, ed. V.T. Pashuto, A.I. Alekseev, M.V. Bibikov, et al. (Moscow: Institut istorii AN SSSR, 1978), 78–80.

¹⁵ S.A. Morozov, "On the Study of the Sources of the Postnik and Piskarev Chronicles" [in Russian], in *Annals and Chronicles. 1984*, ed. V.I. Buganov (Moscow: Nauka, 1984), 72–74.

Researchers N. Likhachev and S. Veselovskii noted the period between 1542 and 1558 as an active time in the activities of the clerk as well as the fact that he was still alive in 1558.¹⁶ Postnik Gubin's activities covered many issues related to the resolution of legal disputes, the issuance of patents of nobility and letters of gift, and participation in the diplomatic missions of the Russian state in 1542 and 1546. For instance in 1542, Postnik Gubin went to Lithuania as part of the Moscow diplomatic mission together with boyars V. Morozov and F. Vorontsov.¹⁷ In 1546, he was noted among the persons who were sent to Kazan to help Tatar Khan Shah-Ali. Prince D. Bel'sky and D. Paletsky are also mentioned as the members of this mission.¹⁸ It is also possible to point out his presence "at the bedside" at the wedding of Ivan IV on February 3, 1547, "at the bedside" together with Ya. Zakharov at the wedding of Prince Yuri Vasil'evich on September 18, 1547,¹⁹ and at the wedding of Tsar Simeon Kasaevich on November 2, 1553.²⁰ In addition, Postnik Gubin is noted among the persons to whom Novgorod Archbishop Theodosius sent "Ugrian" gold coins as a gift in 1548. After 1553 the clerk's active participation in court ceremonies and the reception of foreign ambassadors significantly decreased, and of the sixteen (according to other sources, fourteen) known records of him in the Books of Ranks, his name is mentioned only twice: at the receptions of Lithuanian ambassadors Prince Stefan Zbarazhskii in late January – early February 1556 and Yan Yu. Volchkov in June 1558.²¹

History writing by the nobility in the 16th century

The Bezdniin Chronicle represents a completely different form of local chronicle writing – by the nobility – in the 16th century. The main text of the monument, identified by M. Tikhomirov as part of the Barsov collection of the State Historical Museum (GIM, Bars. no. 1811), was attributed by the scholar as part of another, larger monument of the era, but attracted the scholar's attention primarily due to the

¹⁶ S.B. Veselovskii, *Clerks and Scribes of the 15th–17th Centuries* [in Russian] (Moscow: Nauka, 1975), 346; N.P. Likhachev, *Rank Clerks of the 16th Century. An Attempt of Historical Research* [in Russian] (St Petersburg: Tipografiya V.S. Balasheva, 1888), 141–43.

¹⁷ S.O. Shmidt, ed., *Series of the Tsar's Archive of the 16th Century and the Archive of the Ambassadorial Prikaz for 1614* [in Russian] (Moscow: Izdatel'stvo Vostochnoi literatury, 1960), 30; Tikhomirov, *Russian Chronicle Writing*, 177.

¹⁸ Savich, *The Book of Ranks*, vol. 1, pt. 2, 321.

¹⁹ Savich, *The Book of Ranks*, vol. 1, pt. 2, 324, 338.

²⁰ N.G. Savich, comp., *The Book of Ranks, 1475–1605* [in Russian], vol. 1, pt. 3 (Moscow: Institut istorii SSSR, 1978), 457.

²¹ G.F. Karpov, ed., *The Collection of the Imperial Russian Historical Society*, vol. 59, *Monuments of Diplomatic Relations between the Moscow State and the Polish-Lithuanian State*, pt. 2 (years from 1533 to 1560) [in Russian] (St Petersburg: Tipografiya F. Elkonkogo i K^o, 1887), 491, 495, 506, 554, 556, 560.

unique information covering the first years of the reign of Fyodor Ioannovich of Russia.

The chronicle covers the period from 955 to July 16, 1586 and arouses the interest of researchers mainly due to the description of the events of the last three years. The information contained in the chronicle for 1584–86 focuses on the political situation in Moscow after the death of Ivan IV and on the Russian–Tatar clashes on the southern borders of the country (in which, judging by the text of the chronicle, Duma nobleman Mikhail Aleksandrovich Bezdniin played a significant role).²² He occupied a prominent place in the military and court hierarchy of the Russian state and was familiar with a number of representatives of the secular and church elite.²³

Researcher V. Koretskii identified four well-known copies: Barsov's, Pogodin's, Dolgov's and Museiskii's.²⁴ Two of them, Barsov's and Dolgov's, were attributed by the scholar to an unknown protographer, and the origin of the main, Dolgov's, copy was connected by the researcher with the Joseph Volokolamsk Monastery.²⁵ According to the monastery records, M. Bezdniin became its novice on August 2, 1586. V. Koretskii's conclusions about the chronicle's origin and authorship were later questioned by British historian D. Waugh, who noted that Bezdniin's name appears in The Book of Ranks until 1589, and the issue of the time when the chronicle was compiled requires further study.²⁶

Among the sources of the monument, V. Koretskii identified the Resurrection Monastery Chronicle and the Nikon Chronicle, the Book of Royal Degrees, and the Western Russian "Praise to Vytautas." At the same time, the author's activity in editing the original text while compiling the all-Russian chronicle from 955 on is recognized as very significant, since it allowed the emphasis of Russian history to shift to the struggle against the Tatars and relations with Poland and Lithuania.

²² M.N. Tikhomirov, *Brief Notes on Chronicle Works in the Manuscript Collections of Moscow* [in Russian] (Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1962), 10.

²³ V.B. Kobrin, *Oprichnina. Genealogy. Anthroponymics: Selected Works* [in Russian] (Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, 2008), 54–55, 152–55; D.M. Volodikhin, *Oprichnina and the "the Tsar's Dogs"* [in Russian] (Moscow: Veche, 2010), 223–42; D.M. Volodikhin, *Social Composition of the Russian Voivode Corps under Ivan IV* [in Russian] (St Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2011), 210–12.

²⁴ V.I. Koretskii, "Bezdniin Chronicle of the Late 16th Century. From the Collection of S.O. Dolgov" [in Russian] in *V.I. Lenin State Library of the USSR. Notes of the Manuscript Department*, ed. N.N. Solov'eva, iss. 38 (Moscow: Kniga, 1977), 192–203; V.I. Koretskii, *History of Russian Chronicle Writing of the Second Half of the 16th – Early 17th Century* [in Russian] (Moscow: Nauka, 1986), 73–106.

²⁵ Koretskii, *History of Russian Chronicle Writing*, 73–76.

²⁶ D.C. Waugh, "Two Unpublished Muscovite Chronicles," *Oxford Slavonic Papers. New Series*, vol. 12 (1979): 1–31.

The text of the Dolgov's copy of the chronicle published by V. Koretskii drew the scholars' attention to the issues related to the reasons for the appearance of the monument, the personality of M. Bezdin and his political activities as well as the circumstances of beating back Tatar raids. The leading role of M. Bezdin in pacifying the Moscow rebellion in May 1584 was clarified by the material of later monuments (the Piskarev chronicle and the Latukhin Book of Degrees, which indicated the deliberate exaggeration of the degree of the author's participation in the court struggle in 1583–86).²⁷

Another issue raised by V. Koretskii is related to the participation of M. Bezdin in the battle on the Vyssa River (May 7, 1584), in which, judging by the text of the chronicle, he played a decisive role. The circumstances of the military clashes between the Tsar's and Tatar detachments on the southern borders of the Russian state were considered in detail in the works of V. Penskoii and N. Podchasov, who clarified the course and circumstances of the battle and the participation of the noble regiments of M. Bezdin and princes F. and T. Trubetskoy.²⁸ Military historians consider the Bezdin Chronicle as a valuable source of information on the history of the battle on the Vyssa River that supplements the information of the Books of Ranks.²⁹ However, despite the fact that M. Bezdin's participation in the battle on the Vyssa is not questioned by scientists, the role of this nobleman in the victory over the Tatars as part of the advanced regiment of Russian troops, emphasized in the text of the chronicle, did not bring him all-Russian glory, which is indicated by V. Koretskii with reference to the Solovetsky Chronicle of the end of the 16th century, the Books of Ranks of the second half of the 16th century, and the New Chronicle, which also mentions Mikhail "Bezin."³⁰

V. Koretskii considered in detail the reasons for the creation of the chronicle and the political orientation of its author, defined the range of social ties of the former Duma nobleman and revealed his connection with the Shuiskiis boyar family, whose participation in the court struggle of 1584–86 was reflected in the monuments of the era. It was M. Bezdin's membership in the circle of the confidants of I. Shuisky who lost the court struggle to B. Godunov that forced the Duma nobleman to flee from impending disgrace and retire to the monastery.³¹ Later, Ya. Solodkin assumed that

²⁷ Koretskii, *History of Russian Chronicle Writing*, 81–99.

²⁸ V.V. Penskoii, "Centurions" of Ivan the Terrible. Voivodes and Heads of the Moscow Army of the Second Half of the 16th Century [in Russian] (Moscow: Tsentrpoligraf, 2017), 145–48; N.A. Podchasov, "The Role of Trubetskoy Princes and M.A. Beznin in the Battle on the Vyssa River in 1584: A Source Study Aspect" [in Russian], *Vestnik MGU. Seriya 8: Istorija*, 2 (2018): 3–11.

²⁹ Podchasov, "The Role of Trubetskoy Princes," 11.

³⁰ Koretskii, "Bezdin Chronicle," 195.

³¹ Koretskii, *History of Russian Chronicle Writing*, 98, 101, 106.

the chronicle could have been created by starets Misail in order to increase his own authority within the monastery, since it was difficult to gain a political effect from the chronicle.³²

Chronicle of the Izvol'sky Nobles

For a long time, the Bezdniin Chronicle was the only monument whose origin was associated with the activities of a person of noble descent, which is why scholars attributed the emergence of chronicles written by the nobility in Russia to the post-Oprichnina period of the 1580s and the beginning of the reign of Fyodor Ioanovich of Russia. This situation persisted until the introduction into scientific circulation of the chronicle that belonged to the whole family of military noblemen of Tula and Dedilovo origin. The monument, named the Chronicle of the Izvolsky Nobles, was first described by M. Tikhomirov.³³ However, it was N. Belov who undertook the publication and detailed study of the composition and content of the monument.³⁴ The only copy of the chronicle found in the collection of V. Undol'sky (Russian State Library, Collection of V.M. Undol'sky, no. 1226) tells about the history of the southern Russian borders, in particular, about the events in Tula and the region: the repelling of Tatar raids, natural disasters and everyday details of the life of the service class nobles Skoblev and Izvol'sky, who owned estates in Tula, Dedilovo and Kashira uezds as well as courtyards in these towns.³⁵

According to N. Belov, the first layer of records for 1518–45 was written by a representative of the Skoblev (Koblevs) family. From them the monument passed to the Izvol'sky family, who continued to keep the chronicle. For instance, an entry dated 1518 tells about the marriage of Leonty Vasil'evich Putev “at Ivan Skoblev’s”, entry dated 1545 mentions the marriage of Leonty Fedorovich Skoblev “at Shchibor’s.” Representatives of the Skobelev noble family are known as the landowners of Tula Uyezd, and one of them, Afanasy Skoblev, served as the siege head on Solova and Plava at the end of the reign of Ivan IV.³⁶

One of the probable explanations for the chronicle’s transition from the Skobelevs to the Izvol'skys was discovered by N. Belov in the Tula scribe’s book of 1587–89, which mentions the joint household ownership of the members of both clans: “the homestead. . . of Ermola Kobelev and Ignat'ev’s grandson and Ogafya Semenova,

³² Ya.G. Solodkin, *History of Late Russian Chronicle Writing* [in Russian] (Moscow: Moskovskaya assotsiatsiya lingvistov-praktikov, 1997), 38.

³³ Tikhomirov, *Brief Notes on Chronicle Works*, 72–73.

³⁴ N.V. Belov, “Chronicle Notes of Russian Service Class of the Second Half of the 16th Century” [in Russian], *Paleorosiya. Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh*, no. 1 (12) (2020): 174–86.

³⁵ Belov, “Chronicle Notes,” 181–82.

³⁶ L.F. Kuz'mina, comp., *The Book of Ranks, 1475–1605* [in Russian], vol. 3, pt. 1 (Moscow: Institut istorii SSSR, 1984), 148.

Izvol'sky's widow, and her son Nikita.” Thus, their relationship with the Skoblevs could be one of the possible reasons for moving the book into the collection of the Izvol'sky nobles.

N. Belov attributes the records of 1568–71 to Elisei Yakovlevich Izvol'sky, known by the nickname Bulgak.³⁷ He was a voivode in Dedilovo, Tula Volost, in 1570 and 1576. It is also known that he had proof of ownership of the patrimony granted for the departure of his great-grandfather, Vasily Dmitrievich Izvol'sky from Poland to Moscow. Later notes from 1591, 1592, and 1597 are attributed by N. Belov to Elisei Yakovlevich's son, Ivan Bulgakov Izvol'sky, or someone from his entourage.³⁸ The fact that the collection belonged to the Izvol'sky family is determined by the scholar based on the owner's record running along the edge of the manuscript. The Izvol'sky noble family was firmly connected with the southern borders of the Moscow state in the second half of the 16th century.

As the reason for the creation of the chronicle, N. Belov points out the construction of military history of the Tula–Dedilovo region of the borderlands as well as purely personal interest of service-class noblemen Izvol'sky in creating a family monument of chronicle writing.³⁹ The scholar also pointed to the possibility of referring to the monument when creating a more extensive picture of the local chronicle writing of the 16th century, focusing on the emergence of the trends towards the formation of secular chronicles before the Oprichnina and the death of Ivan IV.

Conclusion

The study of the local chronicle monuments of the 16th century in Russian historiography is closely related to the introduction into circulation, attribution, and clarification of the time of creation of original works and identification of their sources. Researchers have accumulated a significant amount of archaeological and source-based information, which provides the conditions for their further study.

Detailed studies of the Bezdin and Postnik chronicles as well as the Izvol'sky Chronicle have been conducted, which made it possible to clarify the origin of the monuments and the personalities, social status, and the range of social connections of their authors. The most active discussions continue around the significance of individual entries and the degree of involvement of scribes in the events described. Separately, we can single out the problem of identifying social connections of the chronicles' authors and clarifying the range of their interests and contacts.

At the same time, issues connected with the book-related work of service class people remain on the periphery of research interests of scholars. In the studies of

³⁷ Belov, “Chronicle Notes,” 181.

³⁸ Belov, “Chronicle Notes,” 182.

³⁹ Belov, “Chronicle Notes,” 183.

chronicles of the late Middle Ages and Early Modern Times, little attention is paid to the issues of the authors' self-awareness, the manifestation of individuality of the creators of chronicles, and thematic priorities that played a role in the compilation of the monuments.

However, it is worth noting that the research of Russian historiography has prepared the foundation for the study of local chronicle monuments of the 16th century (including those that were created with the active participation of representatives of the clergy and nobility) as elements of the overall picture of book culture and local chronicle of the era. Further consideration of the issue requires the inclusion of chronicles authored by M. Bezdnin, N. Moklokov, and the representatives of the noble families of Skoblev and Izvol'sky in the general context of the development of the local chronicle tradition in Russia.

Список литературы

Белов Н.В. Летописные заметки русских служилых людей второй половины XVI в. // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2020. № 1 (12). С. 174–186.

Буганов В.И. Отечественная историография русского летописания (обзор советской литературы). Москва: Наука, 1975. 344 с.

Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. Москва: Наука, 1975. 611 с.

Вовина-Лебедева В.Г. Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2011. 928 с.

Володихин Д.М. Опричнина и «псы государевы». Москва: Вече, 2010. 304 с.

Володихин Д.М. Социальный состав русского воеводского корпуса при Иване IV. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2011. 296 с.

Гольдберг А.Л. Три «послания Филофея» (Опыт текстологического анализа) // Труды отдела древнерусской литературы. 1974. Т. 29. Вопросы истории русской средневековой литературы: памяти В.П. Адриановой-Перетц / под редакцией Д.С. Лихачева. Ленинград: Наука, 1974. С. 68–97.

Дмитриева Р.П. Сказание о князьях Владимирских. Москва; Ленинград: Издательство АН СССР, 1955. 215 с.

Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. Москва: Квадрига, 2018. 366 с.

Кобрин В.Б. Опричнина. Генеалогия. Антропонимика: Избранные труды. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2008. 369 с.

Корецкий В.И. Безднинский летописец конца XVI в. Из собрания С.О. Долгова // Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина. Записки отдела рукописей / под редакцией Н.Н. Соловьевой. Москва: Книга, 1977. Вып. 38. С. 192–203.

Корецкий В.И. История русского летописания второй половины XVI – начала XVII в. Москва: Наука, 1986. 269 с.

Лантев В.В. Воскресенская летопись // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена. 1955. Т. 102. С. 165–239.

Лихачев Н.П. Разрядные дьяки XVI века. Опыт исторического исследования. Санкт-Петербург: Типография В.С. Балашева, 1888. 559 с.

Лурье Я.С. Две истории Руси XV века. Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1994. 240 с.

Морозов В.В. Лицевой свод в контексте отечественного летописания XVI века. Москва: Индрик, 2005. 288 с.

Морозов В.В. Царственная книга и Постниковский летописец // Теория и практика источниковедения и археографии отечественной истории / под редакцией В.Т. Пашуто, А.И. Алексеева, М.В. Бибикина и др. Москва: Институт истории АН СССР, 1978. С. 78–86.

Морозов С.А. К изучению источников Постниковского и Пискаревского летописца // Летописи и Хроники. 1984 / под редакцией В.И. Буганова. Москва: Наука, 1984. С. 59–74.

Пенской В.В. «Центурионы» Ивана Грозного. Воеводы и головы московского войска второй половины XVI в. Москва: Центрполиграф, 2017. 319 с.

Подчасов Н.А. Роль князей Трубецких и М.А. Безнина в битве на реке Выссе 1584 г.: источниковедческий аспект // Вестник МГУ. Серия 8: История. 2018. № 2. С. 3–11.

Синицына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). Москва: Индрик, 1998. 416 с.

Сиренов А.В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVII вв. Москва; Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2010. 552 с.

Солодкин Я.Г. История позднего русского летописания. Москва: Московская ассоциация лингвистов-практиков, 1997. 200 с.

Тихомиров М.Н. Записки о регентстве Елены Глинской и боярском правлении 1533–1547 гг. // Исторические записки. 1954. Т. 46. С. 278–288.

Тихомиров М.Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. Москва: Издательство АН СССР, 1962. 184 с.

Тихомиров М.Н. Русское летописание. Москва: Наука, 1979. 556 с.

Усачев А.С. Степенная книга и древнерусская книжность времени Митрополита Макария. Москва; Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2009. 760 с.

Шмидт С.О. Становление российского самодержавства. Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. Москва: Мысль, 1973. 359 с.

Die Illustrierte Chronikhandschrift des Zaren Ivan IV. Groznoj. Ein Schlüsselwerk der Moskauer Historiographie und Buchkunst zwischen Spätmittelalter und Früher Neuzeit / Herausgegeben von R. Frotschner. Berlin: Frank & Timme, 2021. 266 S.

The Book of Royal Degrees and the Genesis of Russian Historical Consciousness / edited by G. Lenhoff, A. Kleimola. Bloomington, IN: Slavica, 2011. 364 p.

Waugh D.C. Two Unpublished Muscovite Chronicles // Oxford Slavonic Papers. New Series. 1979. Vol. 12. P. 1–31.

References

Belov, N.V. “Letopisnye zametki russkikh sluzhilykh lyudei vtoroi poloviny XVI v.” [Chronicle notes of Russian service class of the second half of the 16th century]. *Paleorosiya. Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh*, no. 1 (12) (2020): 174–86. (In Russian)

Buganov, V.I. *Otechestvennaya istoriografiya russkogo letopisaniya (obzor sovetskoj literatury)* [Domestic historiography of Russian chronicle writing (a review of Soviet literature)]. Moscow: Nauka, 1975. (In Russian)

Dmitrieva, R.P. *Skazanie o knyaz'yakh Vladimirskikh* [The tale of the Princes of Vladimir]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSRR, 1955. (In Russian)

Frotschner, R., hrsg. *Die Illustrierte Chronikhandschrift des Zaren Ivan IV. Groznyj. Ein Schlüsselwerk der Moskauer Historiographie und Buchkunst zwischen Spätmittelalter und Früher Neuzeit*. Berlin: Frank & Timme, 2021.

Gol'dberg, A.L. “Tri ‘poslaniya Filofeya’ (Opyt tekstologicheskogo analiza)” [Three “epistles of Philotheus” (An attempt of textological analysis)]. In *Trudy otdela russkoi literatury. 1974* [Transactions of the Department of Old Russian Literature. 1974], vol. 29, *Voprosy istorii russkoi srednevekovoi literatury: pamyati V.P. Adrianovoi-Peretts* [Questions of the history of Russian Medieval literature: In memory of V.P. Adrianova-Peretz], edited by D.S. Likhachev, 68–97. Leningrad: Nauka, 1974. (In Russian)

Kloss, B.M. *Nikonovskii svod i russkie letopisi XVI–XVII vekov* [Nikon Chronicle and the Russian chronicles of the 16th and 17th centuries]. Moscow: Kvadriga, 2018. (In Russian)

Kobrin, V.B. *Oprichnina. Genealogiya. Antroponimika: Izbrannye trudy* [Oprichnina. Genealogy. Anthroponymics: Selected works]. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, 2008. (In Russian)

Koretskii, V.I. “Bezdniinskii letopisets kontsa XVI v. Iz sobraniya S.O. Dolgova” [Bezdniin chronicle of the late 16th century. From the collection of S.O. Dolgov]. In *Gosudarstvennaya biblioteka SSSR im. V.I. Lenina. Zapiski otdela rukopisei* [V.I. Lenin State Library of the USSR. Notes of the manuscript department], edited by N.N. Solov'eva, iss. 38, 192–203. Moscow: Kniga, 1977. (In Russian)

Koretskii, V.I. *Istoriya russkogo letopisaniya vtoroi poloviny XVI – nachala XVII v.* [History of Russian chronicle writing of the second half of the 16th – early 17th century]. Moscow: Nauka, 1986. (In Russian)

Laptev, V.V. “Voskresenskaya letopis” [Resurrection Monastery Chronicle]. *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. A.I. Gertsena*, vol. 102 (1955): 165–239. (In Russian)

Lenhoff, G., and A. Kleimola, eds. *The Book of Royal Degrees and the Genesis of Russian Historical Consciousness*. Bloomington, IN: Slavica, 2011.

Likhachev, N.P. *Razryadnye d'yaki XVI veka. Opyt istoricheskogo issledovaniya* [Rank clerks of the 16th century. An attempt of historical research]. St Petersburg: Tipografiya V.S. Balasheva, 1888. (In Russian)

Lur'e, Ya.S. *Dve istorii Rusi XV veka. Rannie i pozdnie, nezavisimye i ofitsial'nye letopisi ob obrazovanii Moskovskogo gosudarstva* [Two histories of Rus' of the 15th century. Early and late independent and official chronicles about the formation of the Moscow state]. St Petersburg: Dmitrii Bulanin, 1994. (In Russian)

Morozov, S.A. “K izucheniyu istochnikov Postnikovskogo i Piskarevskogo letopistsa” [On the study of the sources of the Postnik and Piskarev chronicles]. In *Letopisi i Khroniki, 1984* [Annals and chronicles. 1984], edited by V.I. Buganov, 59–74. Moscow: Nauka, 1984. (In Russian)

Morozov, V.V. *Litsevoi svod v kontekste otechestvennogo letopisaniya XVI veka* [The Illuminated Compiled Chronicle in the context of Russian chronicle writing of the 16th century]. Moscow: Indrik, 2005. (In Russian)

Morozov, V.V. *Tsarstvennaya kniga i Postnikovskii letopisets* [Regal Book and Postnik Chronicle]. In *Teoriya i praktika istochnikovedeniya i arkhografii otechestvennoi istorii* [Theory and practice of source study and archeography of Russian history], edited by V.T. Pashuto, A.I. Alekseev, M.V. Bibikov, et al., 78–86. Moscow: Institut istorii AN SSSR, 1978. (In Russian)

Penskoi, V.V. “*Tsenturiony*” *Ivana Groznogo. Voevody i golovy moskovskogo voiska vtoroi poloviny XVI v* [“Centurions” of Ivan the Terrible. Voivodes and heads of the Moscow army of the second half of the 16th century]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2017. (In Russian)

Podchasov, N.A. “*Rol' knyazei Trubetskikh i M.A. Beznina v bitve na reke Vysse 1584 g.: istochnikovedcheskii aspekt*” [The role of Trubetskoy princes and M.A. Beznin in the battle on the Vyssa River in 1584: a source study aspect]. *Vestnik MGU. Seriya 8: Istoriya*, 2 (2018): 3–11. (In Russian)

Shmidt, S.O. *Stanovlenie rossiiskogo samoderzhavstva. Issledovanie sotsial'no-politicheskoi istorii vremeni Ivana Groznogo* [The making of Russian autocracy. Research of socio-political history of the time of Ivan the Terrible]. Moscow: Mysl', 1973. (In Russian)

Sinitsyna, N.V. *Tretii Rim. Istoki i evolyutsiya russkoi srednevekovoi kontseptsii (XV–XVI vv.)* [The Third Rome. Origins and evolution of the Russian medieval concept (15th–16th centuries)]. Moscow: Indrik, 1998. (In Russian)

Sirenov, A.V. *Stepennaya kniga i russkaya istoricheskaya mysl' XVI–XVII vv.* [The Book of Royal Degrees and the Russian historical thought of the 16th–17th centuries]. Moscow; St Petersburg: Al'yans-Arkheo, 2010. (In Russian)

Solodkin, Ya.G. *Istoriya pozdnego russkogo letopisaniya* [History of late Russian chronicle writing]. Moscow: Moskovskaya assotsiatsiya lingvistov-praktikov, 1997. (In Russian)

Tikhomirov, M.N. *Kratkie zametki o letopisnykh proizvedeniyakh v rukopisnykh sobraniyakh Moskvy* [Brief notes on chronicle works in the manuscript collections of Moscow]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1962. (In Russian)

Tikhomirov, M.N. *Russkoe letopisanie* [Russian chronicle writing]. Moscow: Nauka, 1979. (In Russian)

Tikhomirov, M.N. “*Zapiski o regentstve Eleny Glinskoi i boyarskom pravlenii 1533–1547 gg.*” [Notes on the regency of Elena Glinskaya and boyar rule, 1533–1547]. *Istoricheskie zapiski*, vol. 46 (1954): 278–88. (In Russian)

Usachev, A.S. *Stepennaya kniga i drevnerusskaya knizhnost' vremeni Mitropolita Makariya* [The Book of Royal Degrees and Old Russian booklore of the time of Metropolitan Macarius]. Moscow; St Petersburg: Al'yans-Arkheo, 2009. (In Russian)

Veselovskii, S.B. *D'yaki i pod'yachie XV–XVII vv.* [Clerks and scribes of the 15th–17th centuries]. Moscow: Nauka, 1975. (In Russian)

Volodikhin, D.M. *Oprichnina i “psy gosudarevy”* [Oprichnina and the “the tsar’s dogs”]. Moscow: Veche, 2010. (In Russian)

Volodikhin, D.M. *Sotsial'nyi sostav russkogo voevodskogo korpusa pri Ivane IV* [Social composition of the Russian voivode corps under Ivan IV]. St Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2011. (In Russian)

Vovina-Lebedeva, V.G. *Shkoly issledovaniya russkikh letopisei: XIX–XX vv.* [Schools of Russian chronicle research: 19th–20th centuries]. St Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2011. (In Russian)

Waugh, D.C. “Two Unpublished Muscovite Chronicles.” *Oxford Slavonic Papers. New Series*, vol. 12 (1979): 1–31.

Информация об авторе

Илья Станиславович Агафонов – независимый исследователь, <https://orcid.org/0000-0001-9939-9119>, is.agafonov@yandex.ru (Москва).

Information about the author

Ilya S. Agafonov – independent scientist, <https://orcid.org/0000-0001-9939-9119>, is.agafonov@yandex.ru (Moscow).

Статья поступила в редакцию 31.01.2023; одобрена после рецензирования 15.05.2023; принята к публикации 29.05.2023.

The article was submitted 31.01.2023; approved after reviewing 15.05.2023; accepted for publication 29.05.2023.